

Harer, Klaus

**Гибель Пушкина и литературно-идеологическая ситуация
в России конца 1830-ых годов**

In: *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000, pp. [179]-186

ISBN 8021023007

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/132487>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГИБЕЛЬ ПУШКИНА И ЛИТЕРАТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ КОНЦА 1830-Х ГОДОВ

Klaus Harer (Marburg/L.)

В данном сообщении я хочу рассмотреть трагическую гибель Пушкина и реакцию современников на нее в контексте дискуссий о положении русской литературы в конце 1830-х годов. Материалом для этого служит неопубликованное письмо Н. А. Мельгунова к С. П. Шевыреву, написанное в Германии в марте 1837 года.¹ Николай Александрович Мельгунов, друг Погодина, бр. Киреевских и Шевырева, принадлежит к тому московскому кружку Любомудров, поклонников немецкой философии, которые заложили основу для позднейшего славянофильства. Он известен историкам русской литературы как соавтор первой немецкой книги о русской литературе – *Literarische Bilder aus Rußland* – вышедшей в Штутгарте осенью 1837 г.² В письме, о котором речь пойдет ниже, он рассказывает, каким образом немецкий писатель Генрих Кениг набросал за две недели по указаниям Мельгунова эту нашумевшую книгу. При этом связь с недавней смертью Пушкина не случайна. Но прежде чем приступить к разбору этого текста, необходимо обратить внимание на некоторые сопровождающие обстоятельства:

Как известно, ситуация русской литературы конца 1830-х годов ощущалась современниками как кризисная, переломная. Жалобы на упадок поэзии, на испорченность нравов, на плохой вкус, недостаточное просвещение публики, коммерческий дух нового времени прочитываются почти у всех критиков тех лет. Недовольство писателей тогдашним состоянием русской литературы нашло свою формулу у Н. И. Надеждина и раннего В. Г. Белинского в словах нет русской литературы³. (Ср. также незаконченную статью Пушкина

¹ РО РНБ, Ф. 850, № 370, л. 46–47 (письмо от 14 марта 1837 г.). Письма Мельгунова к Шевыреву известны только в небольших отрывках, опубликованных в многочисленных литературоведческих работах. Письма Шевырева к Мельгунову, как и весь архив Мельгунова, насколько нам известно, не сохранились.

² *Literarische Bilder aus Rußland*. Herausgegeben von Heinrich Koenig. Stuttgart u. Tübingen: Cotta, 1837. Ср. современное переиздание, подготовленное Х.-Б. Хардером в серии „Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven“ (Bd. 12, Giessen, 1979).

³ Ср. статью Н. И. Надеждина Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы 1828, № 21–22, а также знаменитые Литературные мечтания В. Белинского (1834).

1834 г. О ничтожестве литературы русской⁴.) Конец художественной эпохи [Kunstperiode] – так в немецкой ситуации этот кризис обозначил Генрих Гейне в 1828 г. – в плане литературной социологии выражался в стремительном развитии книжного рынка, в расширении читательской публики, в возрастающем значении литературных толстых журналов. В литературу вошли новые люди, не только на стороне читающей публики, но и на стороне сочинителей, которые внесли непривычные до той поры аспекты в литературную жизнь. Профессионализация литературного труда в России, решающая роль Пушкина в которой известна, практиковалась с успехом такими литераторами-разночинцами, которые не имели иных, кроме литературных, источников заработка: Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский, братья Полевые – это лишь самые яркие представители нового типа литераторов. В это время формировался литературный рынок – развивались издательское дело и книжная торговля, создавались литературные журналы нового типа. Вместе с тем возникли новые взаимоотношения между писателями: ситуация конкуренции сменила предыдущее соперничество поэтических школ. Если недавний конфликт между классиками и романтиками еще походил на традиционные трения между поколениями, то в николаевскую эпоху литературная полемика приобрела социальное и национальное значение.

С началом николаевской эпохи журналистика находилась в руках петербургских литераторов коммерческого направления. Основанная Булгариным газета Северная пчела была единственной неофициальной газетой, имеющей право на политические сообщения. Булгарин и Греч редактировали кроме газеты еще и влиятельный литературный журнал Сын отечества. Несколько позже символом коммерческого успеха в новой литературной ситуации стала Библиотека для чтения, основанная в 1834 г. О. И. Сенковским. Журнал распространялся неслыханными ранее тиражами (до 7000 экз.) не только в столицах, но и по всей стране. Жесткая редакторская практика Сенковского и его эстетическая неразборчивость (временами переходящая в цинизм) вызывали возмущение у многих литераторов. Стали говорить о петербургском триумvirате, имея в виду Булгарина, Греча и Сенковского.

Против них направлены были все попытки Пушкина и его окружения основать *свои* периодические издания. Московский вестник, основанный в 1827 году московскими любомудрами при участии Пушкина, а потом Литературная газета Дельвига и Пушкина (1830–1831) были задуманы как противовес информационной монополии

⁴ А. С. Пушкин: Полное собрание сочинений в десяти томах. М.-Л. 1949. Т. 7, с. 306–314.

изданий Булгарина и Греча, но этой цели они не достигли. К концу 20-х годов все более одиозной фигурой в русской литературе становится Булгарин. Острую полемику с ним ведут поэты окружения Пушкина и московские любомудры. Огромный коммерческий успех его романа Иван Выжигин (1829), исключительная позиция Северной пчелы, сотрудничество с полицией и с III отделением – все это обратило на Булгарина гнев литературной элиты. Несколько полемических статей Пушкина, помещенных в 1830–1831 годах в Литературной газете и в Телескопе, а также его злые эпиграммы в адрес Булгарина создали тот образ Булгарина (политического ренегата, литературного спекулянта, доносчика), который прочно вошел в историю русской литературы. Едва ли не центральным моментом в полемике с Булгариным было обвинение его в том, что он, как поляк – и более того, как поляк-ренегат, – выступал в роли представителя и судьи русской литературы. С 1834 года другой поляк, О. И. Сенковский, стал главной мишенью полемики Пушкинского окружения. В 1835 г. бывшие любомудры попытались противопоставить Библиотеке для чтения свой журнал Московский наблюдатель, однако также без особого успеха. Пушкин в это время уже менее активно полемизировал с коммерческим духом, но основание Современника также было попыткой противопоставить Сенковскому свой журнал. В первом томе Современника была напечатана знаменитая статья Н. В. Гоголя О движении журнальной литературы в 1834 и 1835, направленная, главным образом, против Сенковского. Пушкин объявил, что эта статья не является программной для Современника⁵, но это вполне могло быть и чисто тактическим ходом для защиты журнала, находившегося в весьма шатком положении.

Современники возмущались также тем, что триумвиры сумели и по отношению к загранице выступать как серьезные представители русской литературы. В этой связи характерно пристальное внимание Пушкина к случаю с французским писателем Жаком-Франсуа Ансело (Anselot): в 1826 году он пишет П. А. Вяземскому о том, что прочитал в Северной пчеле о приезде Ансело в Петербург и о торжественном приеме, который устроили французам столичные писатели.⁶ А год спустя он отметил в критической заметке, что Ансело в своей книге о русском путешествии похвалил еще неизданные литературные труды Булгарина (Выжигин) и Греча (Учебная книга о русском языке).⁷ Еще

⁵ Современник 1836, т. 3. – Пушкин, *op. cit.*, т. 7, с. 526–527.

⁶ Письмо к Вяземскому от 26 мая 1826 г. – Переписка А. С. Пушкина. М., 1982, т. 1, с. 244.

⁷ Отрывки из писем, мысли и замечания // Северные цветы на 1828 г. – Пушкин, *op. cit.*, т. 7, с. 56.

в 1831, в связи с полемикой с Гречем, Пушкин возмущается тем, что Ансело провозглашал еще не существовавшего *Ивана Выжигина* лучшим из русских романов.⁸ Одновременно любомудры попытались противопоставить информационной монополии триумvirата заграницей свой взгляд на русскую литературу. Об этом свидетельствует письмо А. И. Кошелева от 12 августа 1831 г. из Лейпцига товарищу по любомудрию князю В. Ф. Одоевскому. Кошелев пишет, что он познакомился с издателем Брокгаузом, и просит Одоевского прислать для немецкой энциклопедии статью о русской литературе. К этому он добавляет: О сем никому не говори ни полслова. Не надобно, чтоб Булгарины, Полевые знали, что мы в сношениях с Брокгаузом, а еще менее, что посылаем ему статьи.⁹ Одоевский, по-видимому, не выполнил просьбу Кошелева. В результате статьи о русской литературе, помещенные в 8-ом изд. энциклопедии, основывались все же на трудах триумvirата. Другой бывший любомудр – Н. А. Мельгунов – в 1836 году заметил также неправильную ориентацию иностранной прессы по отношению к русской литературе и собирался ответить в немецкой газете на очередную статью Булгарина, переведенную в Германии.¹⁰

Таким образом, нужно подчеркнуть, что в полемике с петербургским триумvirатом, кроме эстетических, нравственных и социальных аспектов, присутствует и момент *национальный* – национальный в двух плоскостях:

1) Имелась в виду *защита национального достоинства русской литературы* от пагубного влияния литераторов сомнительного, или просто нерусского происхождения: как известно, Булгарин и Сенковский были поляки, а предки Греча были протестанты с корнями в Богемии.

2) Булгарин и Греч сумели еще в 1820-е годы включить в пропаганду своих творений иностранную прессу, а в 30-е годы дошло и до того, что они, благодаря многочисленным переводам их работ, считались в Европе ведущими русскими писателями. К тому же иностранная пресса в статьях о русской литературе ссылалась почти исключительно на Северную пчелу и на Библиотеку для чтения.

Но вернемся к Пушкину и его трагической смерти. Как известно, подробных некрологов с оценкой роли Пушкина в русской литературе не могло появиться в России, так как правительство запретило всякие

⁸ Торжество дружбы... // Телескоп 1831, № 13. – Пушкин, *op. cit.*, т. 7, с. 251.

⁹ Русская старина. 1904. Кн. 4. С. 206–207.

¹⁰ Ср. письмо Мельгунова от 10 мая 1836 г. (из г. Гапау) к Я. М. Северову // Русский архив 1909, т. 2, № 5, с. 83.

упоминания о дуэли. Однако по кратким сообщениям о его смерти и по последующим, спустя некоторое время некрологическим статьям понятно, в чем именно современники усматривали потерю, которую русская литература претерпела со смертью Пушкина. Несколько примеров: В. А. Жуковский, которого нельзя подозревать в недостаточном сочувствии к Пушкину, начал свою знаменитую статью Последние минуты Пушкина словами: Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его, созревший в опытах жизни, размышлением и наукою, готовился действовать полною силою, – потеря невозвратная и ничем невозградимая. Что бы он написал, если бы судьба так внезапно не сорвала его со славной, *едва начатой* им дороги? [...] ¹¹ Белинский в письме от 4 февр. 1837 г. к А. А. Краевскому писал: Бедный Пушкин! Вот чем кончилось его поприще! [...] Один истинный поэт был на Руси, и тот *не совершил вполне своего призвания*. ¹² А в позднейшей статье Русская литература в 1840 году Белинский ту же мысль развивает так: [...] если Пушкин делал слишком мало, в сравнении с неисчислимыми средствами своего плодовитого гения, – нет сомнения, что он чрезвычайно много сделал бы, если б преждевременная смерть вместе с жизнью не прекратила и его деятельности; оставшиеся после смерти его произведения показывают, что *гений его еще только вступил в апогею своей деятельности* и что, действуй он еще хоть десять лет, – компактное издание его сочинений не уступило бы в объеме этим огромным, тяжелым книгам, в два столбца мелкой печати, в которые собраны творения Шекспира, Байрона, Гете и Шиллера. [...] ¹³ Если Жуковский оплакивал в смерти Пушкина именно несостоявшегося национального гения, то у Белинского та же мысль развивается дальше: здесь речь идет уже о несостоявшемся *национальном классике*, сравнивая литературную продукцию Пушкина чисто количественно с продукцией настоящих, т.е. иностранных классиков.

В этом контексте следует читать письмо Мельгунова к Шевыреву, упомянутое в начале нашего сообщения. Письмо начинается с чисто деловых расчетов, связанных с Московским наблюдателем. На второй странице письма Мельгунов вдруг переходит к теме смерти Пушкина и сообщает, что она произвела в Европе сильное впечатление и что все газеты, нем. и франц., были полны этой новости.

¹¹ Современник. Т. 5. СПб., 1837. Об этой статье в качестве литературного некролога и о ее достаточно странной исторической судьбе ср. K. Harer: Zur Geschichte eines Nekrologs. (Vasilij Žukovskijs Puškin-Aufsatz) // Arion. Jahrbuch der Deutschen Pusckin-Gesellschaft. Bd. 4. Bonn 1999, S. 83-95.

¹² В. Г. Белинский: Собрание сочинений. М. 1976-1982, т. 9, с. 38.

¹³ Отечественные записки 1841, т. XIV, № 1. – Белинский, *op. cit.*, т. 3, с. 201.

Интерес европейских журналистов к русской литературе вообще был не очень большой, а особых симпатий к России и ее культуре после польских событий 1830-31 гг. в Европе и не могли испытывать. Для удовлетворения поверхностного любопытства европейцев насчет русской культуры вполне хватало того, что можно было почерпнуть из самого доступного источника информации о русских делах – из Северной пчелы, которая и в России была единственной неофициальной газетой. На этом-то и была основана информационная монополия триумvirата за границей. На этом фоне ситуация, по-видимому, значительно изменилась в связи со смертью Пушкина. Скандальные сообщения о дуэли, в которую замешаны были не только близкие к петербургскому двору но и дипломатические круги, обеспечивали русской литературе ненадолго полосы во всех крупных европейских газетах. Ссылаться на обычные (официозные) источники при этом было нельзя, так как русской прессе было запрещено писать о дуэли. Подробности и слухи о дуэли черпались главным образом из дипломатических рапортов и из частных писем.¹⁴

Мельгунов пишет дальше, что по поводу смерти Пушкина у него два соображения:

1) Он призывает Шевырева издавать журнал. Считая, что Современник, который был последним *contrepoint* против изданий триумvirата, уже прекратился, Мельгунов использует при этом достаточно торжественную историческую параллель: Я, как Минин, умоляю тебя Пожарского спасти Россию от нашествия поляков, и противостоять им если не числом томов (4 против 12), по крайней мере нравственной силой. Этим он ссылается на очень популярный в то время мотив национальной русской (московской) идеологии.¹⁵ Ср. подобный пассаж в письме Вяземского к Шевыреву от 20 окт. 1837 г. (по поводу кончины Ивана Дмитриева): Век Карамзина и Дмитриева сменяется веком Сенковского и Булгарина. Поляки в Кремле, и период Самозванцев

¹⁴ О главных иностранных статьях по поводу дуэли и смерти Пушкина см.: П. Е. Щеголев: Дуэль и смерть Пушкина. Иссл. и мат. Изд. четвертое. М. 1987. Ср. также (далеко не полный) свод немецких некрологов в работе: М. Вепсвинтов: Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 года. СПб., 1900.

¹⁵ Сюжет об освобождении Москвы Мининым и Пожарским от польских захватчиков лежит в основе прославленного исторического романа М. Н. Загоскина Юрий Милославский (1829). Но уже в 1806–1807 гг., в связи с антинаполеоновскими настроениями, этот сюжет стал в русской патриотической культуре ключевым: среди других литературных обработок укажем на трагедию М. В. Крюковского Пожарский, или Освобожденная Москва. Конкурс на памятник Минину и Пожарскому, в результате которого Н. П. Мартос создал свою знаменитую скульптуру, был объявлен весной 1807 г. См. об этом: А. Зорин: Бескровная победа князя Пожарского) События Смутного времени в русской литературе 1806–1807 гг. // НЛЮ 38 (1999), с. 111–128.

твердо и торжественно означает в истории литературы нашей. Бодрствуйте и сохраняйте свято и неразрушимо предания и веру предков, вы, поколение среднее и цветущее [...].¹⁶ Как известно, Шевырев не выполнил просьбу Мельгунова и не вернулся к журнальной деятельности.

Но у Мельгунова по поводу смерти Пушкина был еще иной план: Он рассказывает о том, что он вместе с немецким писателем Генрихом Кенигом читал французскую статью Лёве-Веймарс о смерти Пушкина. Дальше я цитирую: Я говорю ему, что не мешает тотчас перевести эту статью для какого-ниб. нем. журнала; Кёниг хватается за мысль, но вместе замечаем, что еще лучше, если бы я сверх того сообщил ему новые подробности о Пушкине. Я согласился, и на другой день статья готова (хотя я ею не доволен, ибо не имел времени прослушать во время). Это подает ему повод просить меня сообщить биографо-критич. замечания и о других русских литераторах. [...] Предложение Кенига растет и зреет в голове; так что в течение 2-х, 3-х дней из отдельных биограф. очерков составляется журнальная статья, из статьи – книга. Более двух недель ходил он ко мне каждый день часа на три, и записывал все, что я мог собрать в памяти.

Речь идет об обстоятельствах создания книги, упомянутой нами выше – *Literarische Bilder aus Rußland*. Все сказанное в цитированном абзаце подтверждает в основном то, что известно из предисловия Генриха Кенига к этой книге и из позднейших печатных заявлений Мельгунова. В новом свете оказывается литературно-идеологический аспект задуманной книги и ее непосредственное отношение к смерти Пушкина: книга была задумана в контексте русской журнальной конкуренции. Из этого вытекала остро полемическая глава против петербургских журналистов, которая и достигла своей цели: такой внимательный наблюдатель русской культуры, как Павел Иозеф Шафарик, после прочтения этой главы, писал в письме к В. Ганке от 23 окт. 1837г.: *Dostav náhodou výbornou knihu, Literarische Bilder aus Russland, von H. Koenig [...] do rukou, a nabyv zde [...] důkladnější známosti o Senkovském i stojící v moci jeho Библиотеке для чтения, ztratil jsem chuť k dalšímu čtení tohoto časopisu. Pročež Vás prosím, abyste více žádných svazkův ke mně posílali neráčil: u mne se nalézající svazek odevzdám dnes p. Jungmannovi.*¹⁷

Смерть Пушкина была не столько поводом, сколько условием, без которого немислимо было бы появление такой книги как *Literarische Bilder*. Мельгунов смог использовать временно возбужденный скандальными известиями о смерти Пушкина интерес немецкой пу-

¹⁶ Русский архив. 1885, т. 2, с. 305.

¹⁷ Korespondence Pavla Josefa Šafaríka. Vydal V. A. Francev. I. Vzájemné dopisy P. J. Šafaríka s ruskými učenci (1825-1861). Praha 1927-1928, s. 1030.

блики к русской тематике. Не случайно именно из главы о Пушкине выросла эта галерея русских писателей, из которой европейская читающая публика получила впервые информацию о сложной, и отнюдь не сводимой к Выжигину культурной ситуации в России.¹⁸

Письмо Н. А. Мельгунова к С. П. Шевыреву из Ганау от 14 марта 1837 (отрывок)¹⁹

[...] Ты обещаешь мне подробное известие о смерти Пушкина. Это происшествие произвело здесь сильное впечатление, и в течение 2-х или 3-х недель все газеты, нем. и франц., были им полны. Так что иное я, может быть, знаю обстоятельнее, чем вы. Смерть его подала повод к двум видам, о котор. хочу говорить теперь.

1) Просить тебя еще настоятельнее об издании 3-х месячного журнала с 1838, как я уже писал к тебе. Смертью Пушкина прекращается [одно слово прэб.] Современник и последний сколько-нибудь значущий *contrepoin*t против журнальной трилогии известных триумвиров. Пушкин был, что ни говори, злой бич на эту братию. Теперь же что остается? Наблюд. Андросова в Москве, Лит. прибавления Краевского в Спб., – и триумвиры торжествуют. Я, как Минин, умоляю тебя Пожарского спасти Россию от нашествия поляков, и противостоять им если не числом томов (4 против 12), по крайней мере нравственной силой. Наблюд. и Прибавл. будут наши единственные союзники; пусть те бранятся, мы будем действовать не полемикой, а примером. Необходимость такого журнала именно в эту минуту так ощутительна, что об этом и говорить нечего. Если тебе русская литература дороже римской и итальянской, то запишись на два, на три, словом – на четыре года, в журналисты. Журнал по предложенному плану не может брать у тебя много времени. [...]

2) Второе, к чему подала повод смерть Пушкина, ты, думаю, также одобришь. У меня было сильное воспаление правого глаза, что еще и теперь не совсем прошло. В это время получены были вести о смерти Пушкина; в то время приехал сюда по делам и Кёниг, который еще и теперь здесь. Раз при нем принесли мне *№ des débats*, где статья Лёве-Веймарс о Пушкине. Я говорю ему, что не мешало бы сейчас перевести эту статью для какого-нибудь нем. журнала; Кёниг хватается за мысль, но вместе замечаем, что еще лучше, если бы я сверх того сообщил ему новые подробности о Пушкине. Я согласился, и на другой день статья готова (хотя я ею не доволен, ибо не имел времени прослушать во время). Это подало ему повод просить меня сообщить биографо-критич. замечания и о других русских литераторах. Я и на это согласен, и сидя в темной комнате, рад что нашел развлечение. Предложение Кеннга растет и зреет в голове; так что в течение 2-х, 3-х дней из отдельных биограф. очерков составляется журнальная статья, из статьи – книга. Более двух недель ходил он ко мне каждый день часа на три, и записывал все, что я мог собрать в памяти. К этому он присоединит, что касается до дат и иных обстоятельств жизни, иное из недавно переведенной Истории лит. Греца с 1-го издания, и пр. Все это составит порядочную книжку под названием *Gallerie russischer Schriftsteller. – Zur Literatur- und Bildungsgeschichte Russlands.* – Herausgegeben von H. König. Он уже пишет, и в сношениях на этот счет с Брокгаузом, который, как его книгопродавец и как издатель *Conv. Lexicon*, охотно купит. – И вы, Степан Петрович, там; и Павлов, &c. &c. Всего более 40 биографий. Кланяй гесь.

О специфике литературного сотрудничества Мельгунова и Кеннга см. мою работу: Н. А. Мельгунов и его проект книги о русской литературе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999, № 4, с. 60–75..

¹⁹ РО РНБ. Ф. 850 (С. П. Шевырев), № 370, л. 46об. – 47об.